

МАГИЧЕСКИЙ МЕЧ КАК АТРИБУТ КИТАЙСКИХ БОЖЕСТВ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ СВЯТЫХ

В.И. Коваль

*Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь, vlad-kov@mail.ru*

В статье в сопоставительном аспекте рассматривается один из атрибутов китайских божеств и восточнославянских святых – магический меч как орудие борьбы со злыми духами и опасными пресмыкающимися. Владельцами магического меча в китайской традиции выступают даосский патриарх Люй Дунбинь, даосский маг Чжан Тяньши и повелитель бесов Чжун Куй. В восточнославянских (белорусских) заговорных текстах представлены образы Архангела Михаила и Святого Георгия, атрибутом которых также является чудодейственный меч. Определяется функциональное сходство магического огненного меча в традиционной культуре Китая и в представлениях православных христиан. В статье впервые выявляются универсальные для обеих культур и специфические для каждой из них особенности, связанные с характеристикой магического меча.

Ключевые слова: магический меч; китайские божества; восточнославянские святые; няньхуа; заговоры.

MAGIC SWORD AS AN ATTRIBUTE OF CHINESE DEITIES AND EAST SLAVIC SAINTS

V.I. Koval

*Gomel State University named after F. Skariny,
104 Sovetskaya str., 246019, Gomel, Belarus, vlad-kov@mail.ru*

In the article, in a comparative aspect, one of the attributes of Chinese deities and East Slavic saints is considered – a magic sword as a tool for fighting evil spirits and dangerous reptiles. The owners of the magic sword in the Chinese tradition are the Taoist patriarch Lu Dongbin, the Taoist magician Zhang Tianshi and the lord of demons Zhong Kui. In the East Slavic (Belarusian) incantatory texts there are images of the Archangel Michael and St. George, whose attribute is also a miraculous sword. The functional similarity of the magical fire sword in the traditional culture of China and in the representations of Orthodox Christians is determined. For the first time, the article reveals universal for both cultures and specific for each of them features related to the characteristics of the magic sword.

Keywords: magic sword; Chinese deities; East Slavic saints; nianhua; spells.

В традиционной китайской культуре огромной сакральной значимостью наделяется такой атрибут сверхъестественных персонажей, как меч – *цзянь* 劍. В этой связи прежде всего выделяется наиболее известный из

числа «восьми святых» *ба сянь* 八仙 даосский патриарх *Люй Дунбинь* 吕洞宾 – «святой подвижник, познавший в мирской жизни страдания и решивший служить людям в качестве заклинателя демонов, преследующих беспомощный народ. На лубках *няньхуа* 年画 он изображается обычно с мечом, разрубающим нечисть» [1, с. 514] (рисунок 1-а). Согласно китайским народным легендам, «Люй Дунбинь полвека странствовал по Китаю, сокрушая волшебным мечом разную нечисть» [2, с. 146].

Выдающийся российский синолог академик В.М. Алексеев в своей опубликованной в начале прошлого века работе, посвященной дешифровке даосских талисманов и китайских народных картин заклинательного содержания, подробно остановился на описании одной из *няньхуа*, изображающей Люй Дунбиня (рисунок 1-б): «Святой Люй (Люй Дунбинь) в роли заклинателя с мечом, разрубающим бесов, за плечами» [3, с. 28]. При этом ученый приводит «каноническое предание» об обретении Люй Дунбином волшебного меча: «Люй, получив от Юань Фана (Тучеобитателя) секрет достижения святости и присоединив к нему секрет особого владения мечом, поведенный ему другим учителем, стал бродить по южным странам, пробуя чудодейственность своего меча. И действительно, он сразу же убил страшного крокодила этих мест» [3, с. 29]. В представленном на этой же народной картине тексте, обращенном к самому святому, отдельно говорится о мече Люй Дунбиня: «Засверкал к небесам твой чудотворный меч, и ты стал сметать им с земли угнетающие людей наваждения» [3, с. 30–31]. В примечании к приведенной фразе В.М. Алексеев замечает: «Мечом Люй научился владеть у некоего мага Святого Огненного Дракона, который передал ему это искусство особо оригинальным образом. После достижения им святости это свое искусство он направил на уничтожение чудовищ, вредящих людям. Поэтому он всегда изображается с мечом за плечами» [3, с. 30].

а)

б) [3, с. 67]

в) [3, с. 55]

г) [3, с. 57]

Рис. 1. Изображения Люй Дунбиня (а, б) и Чжан Тяньши (в, г)

Обладателем «бесогонного» атрибута – магического меча – является также *Чжан Тяньши* 张天师 (Небесный наставник Чжан) – «в китайской

даосской и поздней народной мифологии главный маг и повелитель бесов» [4, с. 717]. Рисунок, приведенный в упоминавшейся статье акад. В.М. Алексеева (рисунок 1-в), «изображает заклинателя Чжана, замахивающегося пламенным мечом на покоряемую им нечистую силу и держащего в другой руке чашу с алхимической пилюлей жизни, из которой исходит пламя» [3, с. 19]. На рисунке 1-г, как и в предыдущем случае, меч в руке Чжан Тяньши изображен как активный, действующий предмет, находящийся в угрожающем, «атакующем» положении. Не менее важно и то, что на последних двух рисунках магическая «огненная» природа меча подчеркивается языками пламени на верхней (разящей) части лезвия. Кроме того, на последнем рисунке представлены и объекты магических действий Небесного наставника: «Под ногами у заклинателя находятся пять ядоносных зверей – скорпион, паук, трехлапая жаба, змея, стоножка, которых он попирает, устраняя, таким образом, возможность причинять людям зло» [3, с. 20].

Еще более грозный и устрашающий вид имеет усмиритель и повелитель злых духов *Чжун Куй* 钟馗 – божество в даосском пантеоне, неизменно изображаемое на китайских народных картинах в атакующей позе, с поднятым над головой мечом, с выпученными глазами и гневным выражением лица. Народная легенда гласит, что Чжун Куй покончил жизнь самоубийством, не выдержав государственных экзаменов, а после смерти превратился в духа, способного изгонять нечистую силу. Об этом он сообщил императору *Сюань-цзуну* 玄宗, увидевшему его во сне в образе беса: «Мое имя Чжун Куй. При жизни я провалился на экзаменах и покончил с собой. Я дал обет очистить для Вашего величества Поднебесную от всякой нечисти» [5, с. 162].

На выразительной народной картине няньхуа, выполняющей роль оберега (рисунок 2-а), Чжун Куй изображен в динамичной позе, схожей с позой Чжан Тяньши на рисунке 1-d: размахивая над головой магическим мечом, он стремится уничтожить попираемых высоко поднятой правой ногой пять ядоносных (паука, змею, трехлапую жабу, стоножку и ядовитую ящерицу). Последним, в свою очередь, в верхней части картины противопоставлены пять летучих мышей, символизирующих благополучие и счастье (в китайском языке слова *фу* 蝠 ‘летучая мышь’ и *фу* 福 ‘счастье’ являются омофонами). На рисунке 2-б Чжун Куй более «статичен», и лишь поднятый над головой меч и устрашающая мимика божества указывают на грозного Повелителя злых духов.

а)

б) [3, с. 41]

в) [3, с. 43]

г) [3, с. 43]

Рис. 2. Изображения Чжун Куя на няньхуа

Народная картина, представленная на рисунке 2-в, замечательна тем, что изображает Чжун Куя, демонстрирующего свою важнейшую функцию – физическое уничтожение злых духов: крепко держа левой рукой маленького беса, он пронзает его грудь своим чудодейственным мечом. В.М. Алексеев в комментарии к данной няньхуа замечает, что эта «рисованная картина изображает самым наглядным образом «разрубание» чертей Чжун Куем». Здесь же ученый приводит перевод помещенного в верхней части картины текста, в котором указывается такая важная деталь, как изображенные на мече Чжун Куя семь звезд Большой Медведицы, что, несомненно, значительно усиливает магическую значимость меча, его неотвратимую губительность для нечистой силы: «С Небесного Дворца исходит ограждающий дом от наваждений святой Чжун Куи. В руке он держит чудодейственный меч с изображением на лезвии семизвездия Северного Ковша (Большой Медведицы). Он схватит бесчисленное множество чертей и сколько еще разрубит оборотней!» [3, с. 11]. На лезвии чудодейственного меча в руках Чжун Куя, как показано на рисунке 2-г, семизвездие более реалистично (зигзагообразно) передает соответствующее расположение звезд Большой Медведицы.

По представлениям древних китайцев, созвездие *Бэй-доу* 北斗 (Северный Ковш) «в целом властвует над судьбой и смертью людей», а «графическое и иероглифическое изображение Большой Медведицы в средневековом Китае имело магический смысл – отворачало злых духов». Особенно важны сведения о том, что «существовало также представление о волшебном мече *ци-син-цзянь* 七星剑 (меч семи звезд), разрубавшем нечисть» [6, с. 396]. При этом прямо указывается на принадлежность этого меча Чжун Кую: «Меч *ци-син-цзянь*, лезвие которого украшают семь звезд Бэй-доу, – обычный атрибут Чжун Куя» [6, с. 398].

В восточнославянской православной традиции покровителем военных является Архангел Михаил, неизменным атрибутом которого также является меч (как правило – огненный меч) (рисунок 3-а). Еще один обладатель чудесного меча, которым был обезглавлен пожиравший людей змей, – Святой Георгий (Георгий Победоносец) (рисунок 3-б).

а)

б)

Рис. 3. Изображения Архангела Михаила и Святого Георгия соответственно

Вполне закономерно поэтому, что в текстах восточнославянских заговоров регулярно присутствует обращение к названным помощникам – христианским святым, которые своими мечами и огнем уничтожают опасность. Важно при этом обратить внимание на то, что образы святых, атрибутом которых является огненный (золотой) меч, встречаются преимущественно в заговорах от змей, в чем также можно видеть параллель с китайскими божествами, угрожающими магическим мечом ядоносам, среди которых – ядовитая змея. Существенной особенностью восточнославянских «змееборческих» заговоров, содержащих рассматриваемые образы, является упоминание о небесных защитниках в рамках так называемых «формул угроз»: в тексте заговора могущественный святой не поражает своим мечом змею, но, как следует из подобных текстов, такая «перспектива» неизбежна в том случае, если змея «ослушается» и не будет по просьбе заговаривающего вынимать свое жало, прекращать действие смертоносного яда и вообще не будет «униматься».

Чаще всего в заговорных текстах встречается огненный (золотой, то есть сияющий, сверкающий, как огонь) меч Архангела (Архистратига) Михаила. Показателен в этом отношении белорусский материал: ... *Прашу ж я цябе, змяя-змяіца, усіх змей царыца, унімай жа ты ўсіх сваіх змей-шкурапей, і змей-змеянят, і яшчар-яшчаранят <...> Унімай жа іх, <...> і жала вымай, і яд выняй, і раны етыя зажыўляй, і на помач давай. Не ўпрашу ж я цябе <...> – упрашу святога Міхайлу-архангала. Святы Міхайла сыйдзець з неба на землю з сваёю залатою меччу і цябе, змяя-змяіца, сваёю меччу пасячэць і парубіць* [7, с. 179]; *Пад каменем Барласом*

там ёсць змеі Шкурапей: Ягіна і Улляна, Матрэля і Сахвея. Унімайця вы сваіх слуг і жалы і яды; а то стану перад святым Міхаілам Архістрацілам на каленях. Будзець Міхаіл Архістраціл выязджаць сы агнянным пламем, з залатою меччу, будзець сеч і рубаць, і агнянны град кідаць, і па коллю мяса торкаць [7, с. 179–180]; ... А ня будзеш ты занімаць <...> – сашлець Гасподзь сымагушчы на твой яд паганы Міхаілу-архангала, вялікага Архістраціха з войстрым, вогнянным мечам: усю тваю сілу акаянную і паганую агнём выпаліць і мечам вырабіць [8, с. 150]; ... Ня будзяця памагаць – пайду сама да Госпада Бога, да Святогна Юр'я. Святы Юрэі сойдзе на зямлю і з залатою меччу. Громам будзя біць і агнём паліць, з ліца зямлі вас будзя змятаць [9, с. 362].

В целом, как отмечает Л.Н. Виноградова, в белорусских заговорах «состав угрожающих действий, приписываемых божественным персонажам, может быть представлен весьма длинным, списком: бить, сечь, рубить, пронзать стрелой, пробивать копьем, снять голову с плеч, кости ломать, бить по голове молотами, на кол посадить, камнями побивать, тело на мелкие части порубить, железными гребнями драть; громами бить, молнией сжечь, в печь бросить, жарким солнцем запечь, губы-зубы в кузнице запекать; загнать в огненную реку, на заход солнца погнать, бросить с востока на запад с лица земли смести; судить грозным судом и др.» [10, с. 428–429].

Сходную закономерность, характерную для даосских магических талисманов, направленных на отвращение злых духов, отмечал В. М. Алексеев, который указывал, что во многих талисманых начертаниях можно видеть «прихотливо замаскированные знаки лэй 雷 (гром) и гуй 鬼 (бес), соединяемые между собой разнообразными глаголами, имеющими значение ‘убить’, ‘изрубить’, ‘казнить’, ‘истребить’, ‘задавить’, ‘унести’ и т.д. Таким образом, общая формула подобного графического заклинания сводится к упрощенной фразе *Гром убивает бесов!*» [3, с. 2–3].

Приведенный материал свидетельствует о том, что магический меч как атрибут китайских божеств и восточнославянских святых выполняет сходные функции в сопоставляемых культурных традициях, что, однако, не исключает значительной специфики в проявлении названных функций.

Библиографические ссылки

1. Рифтин Б.Л. Люй Дунбинь / Б.Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. [Т. 2 :] Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. М.: «Восточная литература», 2007. С. 513–514.
2. Алимов И.А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. СПб.: Изд-во «Наука», 2008.
3. Алексеев В.М. О некоторых главных типах китайских заклинательных изображений по народными картинами и амулетами // Записки восточного отделения

Императорского русского археологического общества. Том двадцатый. 1910. С.-Пб. : Типография Императорской академии наук, 1912. С. 1–76.

4. *Рифтин Б.Л.* Чжан Тяньши // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. [Т. 2 :] Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. М.: «Восточная литература», 2007. С. 717.

5. *Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. Пер. с кит., послесловие Б.Л. Рифтина. Худож. Л.П. Сычев. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987.

6. *Рифтин Б.Л., Кобзев А.И.* Бэй-доу // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. [Т. 2 :] Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: «Восточная литература», 2007. С. 396–398.

7. *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вып. 5: Заговоры, апокрифы, духовные стихи / Е.Р. Романов. Витебск, 1891.

8. Замовы / Уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г.А. Барташэвіч; Рэдкал.: А.С. Фядосік (гал. рэд.) і інш. Мінск: Навука і тэхніка, 1992.

9. Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.). Сост., подготовка текстов и коммент. Т.А. Агапкиной, Е.Е. Левкиевской, А.Л. Топоркова. М.: Издательство «Индрик», 2003.

10. *Виноградова Л.Н.* Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах / Л.Н. Виноградова // Заговорный тест : Генезис и структура. М.: «Индрик», 2005. С. 425–440.